Философский журнал
2026. Т. 19. № 3. С. 55–70
УДК 130.121

The Philosophy Journal
2026, Vol. 19, No. 3, pp. 55–70
DOI 10.21146/2072-0726-2026-19-3-55-70

ПОИСКИ НОВОГО ЯЗЫКА В ФИЛОСОФИИ

В.И. Молчанов

ЯЗЫК ВРЕМЕНИ: ЗАПРЕТЫ, ПРОЕКТЫ, ИЛЛЮЗИИ

Молчанов Виктор Игоревич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник. Российский государственный гуманитарный университет. Российская Федерация, 125047, г. Москва, Миусская пл., д. 6; e-mail: victor.molchanov@gmail.com

Язык – нейтральный по отношению к истине и лжи резервуар-источник как истинных, так и ложных, а также заведомо ложных (обманных) утверждений, вопросов и дескрипций о реальности и иллюзиях. Автор разделяет убеждение Виктории Уэлби об отсутствии самосовершенствования языка в этом отношении. Если эволюция глаза привела к тому, что мы без труда различаем свет и тьму, то язык как таковой не дает нам возможности различать истину и ложь. Высказывания о языке как источнике обмана и лжи говорят скорее о том, что язык теряет свою нейтральность из-за социально-телесно-эмоциональных элементов коммуникации. Язык времени рассматривается в основной своей социальной функции в качестве направляющих запретов-разрешений по установившимся линиям социальных взаимодействий. Автор предлагает семантически-функциональный словарь языка времени, состоящий из четырех групп слов и словосочетаний, из которых только первая состоит исключительно из словосочетаний, содержащих слово «время». Язык времени в философских концепциях рассматривается в статье на примере феноменологии Гуссерля, где он становится одним из основных после «Логических исследований». Язык времени не теряет здесь своих запретительных функций как внутри учения, так и за его пределами; «гераклитов поток» запрещает выход к трансцендентному и мотивирует «исключение объективного времени», которое является исходным пунктом метода «феноменологической редукции», или «эпохе». При этом «эпохе» и «ретенция» (основной термин концепции субъективного времени) суть слова греческого и латинского языков, близкие по значению. Концепция потока сознания как однонаправленного шлейфа ретенций налагает существенное ограничение на многообразие видов коммуникативного сознания. Язык времени скрывает за собой язык пространства как язык движений, границ и различий.

Ключевые слова: язык, время, словарь, пространство, запрет, иллюзия, обман, поток сознания, регламент, фикция, абстракция, коммуникация, Уэлби, Унамуно

Для цитирования: *Молчанов В.И.* Язык времени: запреты, проекты, иллюзии // Философский журнал / Philosophy Journal. 2026. Т. 19. № 3. С. 55–70.

© Молчанов В.И., 2026

Время гудит
телеграфной струной…
В. Маяковский

Бездонный времени сундук,
Часы – творенье адских рук!
Н. Заболоцкий

Часы бьют. Всех.
Ежи Лец

Язык, истина, обман

Одно из важнейших различий, если не важнейшее, практической жизни и познания – это различие реального и иллюзорного. Для проведения этого различия и описания любых конкретных случаев этого различия служит нам нечто принципиально не иллюзорное – язык во всех его многообразных формах и функциях. Язык нейтрален по отношению к реальности и иллюзорности, и эту нейтральность можно было бы назвать изначальной и высшей реальностью. В пользу этого говорят известные слова из известной книги: «В начале было слово». Великий немецкий поэт ошибся, отвергнув эту истину, и эта ошибка, послужившая исходным пунктом немецкой философии, начиная с Канта, многого стоила людям последующих эпох.

То, что язык – основное условие коммуникации, доказывать не нужно. Вопрос в том, каков характер той или иной коммуникации и каковы возможности языка, на котором она ведется. Насколько точным может быть язык, во-первых, для того чтобы успешно реализовать совместные действия, во-вторых, насколько открытой и искренней может быть коммуникация. Дело не только в сознательном обмане, но и в том, что при всем стремлении к искренности все же возможно взаимное непонимание. В случае сознательного обмана, вопрос не только в намерениях лжеца, но в том, что язык предоставляет все возможности для лицемерия. Только искусственный язык может стать «домом (искусственного) бытия», язык естественный всегда может оказаться бездомным языком иллюзий и заблуждений.

Вопросы о точности и искренности – разные, но взаимосвязанные вопросы. Можно ли быть абсолютно искренним, достаточно ли здесь одного желания, или все же абсолютная искренность требовала бы абсолютного языка абсолютной точности? Феноменология Гуссерля предложила самим вещам быть «искренними» – показывать себя из себя самих. Однако вещи, включая математические структуры, могут быть таковыми лишь потому, что они не обладают языком и ничего не могут сказать в ответ. Во всяком случае, они не могут выразить протеста, когда их делают объектом исследования. Вещь можно принудить быть самой собой, но человека нельзя принудить быть искренним; искренность – дело сугубо добровольное, и дача свидетельских показаний относится к иному измерению. На языке Хайдеггера искренность – это «собственное» бытие в противовес «несобственному». Задача у Хайдеггера в этом плане была сложнее, чем у Гуссерля: Хайдеггеру

нужно было найти язык собственного бытия Dasein – человека-в-мире, погруженного в болтовню, или толки (das Gerede)[1].

Вряд ли можно разделить язык на язык искренности и язык обмана, как можно различить, например, язык поэзии и псевдопоэзии (здесь также нужен опыт), а также язык поэзии и прозы (что тоже не так уж просто в отдельных случаях), язык научных теорий и подделок под них, подлинник от копии – и не только в живописи, и т.д. Всюду требуются эксперты различных языков, посредством которых осуществляется коммуникация.

Если бытие и время – это даже не абстракции, но фикции, то язык и телесность – две основные и равнозначные реальности всех человеческих пространств и миров. Абстрагируясь от фикции бытия и реальности тела, мы сосредоточимся на фикции времени и реальности языка. Язык, в том числе язык тела, пронизывает все слои и уровни человеческого существования. Однако в своем функционировании, или выражении, язык – это реальность весьма неопределенная. Франц Брентано отмечал, что даже выдающиеся мыслители не могут точно передать свои мысли – об этом говорит возможность разных интерпретаций одного и того же текста. В начале двадцатого века Виктория Уэлби сформулировала важнейший вопрос о различии органического и лингвистического совершенствования: «Суть здравомыслия с самого начала заключается в корректирующей силе. Повсюду либо чего-то не замечают, на что-то не реагируют, либо (в широком смысле) действительный опыт сразу же вносит коррективы – автоматически или совокупным воздействием сопутствующей органической деятельности <…> Но вопрос в том, почему тенденция к исправлению, заложенная таким образом, не сохраняется автоматически в зарождающемся воображении и, следовательно, в языке?»[2] Если глаз совершенствуется в процессе эволюции, и мы можем без труда отличать свет и тьму, почему же мы не можем с такой же легкостью различать истину и ложь? Это написано в конце XIX в.

Мигель де Унамуно пишет в 1912 г.: «Язык – это то, что дает нам реальность, и он не просто средство общения, а истинная плоть реальности, для которой все прочее, всякое смутное или неартикулированное представление является лишь ее скелетом»[3]. Кажется, что Унамуно противоречит Уэлби, утверждая, что язык открывает нам истину, если приводит к реальности. Однако это не так. Испанский философ и писатель имел ввиду совсем другое, а именно, что только через язык мы получаем доступ к реальности. То, что так называемые непосредственные впечатления и ощущения дают нам первичное соприкосновение с миром, это иллюзия: «Каждый из нас мыслит, исходя – сознательно или бессознательно, вольно – из того, что мыслили другие люди, те, что жили до него и те, которые его окружают. Мышление – это наследование. Кант мыслил на немецком языке и по немецки интерпретировал Юма и Руссо, которые мыслили по-английски и по-французски, соответственно <…> Мышление покоится на предрассудках,

---

1 Два великих романа дают особенно обширный материал для исследования языка искренности: «Идиот» Ф.М. Достоевского и «Анна Каренина» Л.Н. Толстого. Пожалуй, искренность – основная тема этих социально-философских и художественных произведений.

2 *Welby V.* Meaning and Metaphor // The Monist. 1893. Vol. 3 (4). P. 517–518.

3 *Унамуно М. де.* О трагическом чувстве жизни у людей и народов // *Унамуно М. де.* О трагическом чувстве жизни. М., 1996. С. 285.

а предрассудки содержатся в языке»[4]. Это написано задолго до герменевтики Хайдеггера и Гадамера, где так же как в последующей герменевтике предрассудки были отнесены только к языку. Тем не менее предрассудки могут быть отнесены и к восприятиям.

Язык не только не совершенствуется, но и «помогает» обману. О том, что язык скрывает мысли и больше лжет, чем «истинствует», утверждали дипломаты, философы, писатели и поэты разных времен и народов. Талейран: «Язык был изобретен, чтобы люди могли скрывать свои мысли друг от друга». У Витгенштейна позиция «маскировки», или «переодевания»: «Язык маскирует (verkleidet) мысль. И притом так, что по внешней форме одежды нельзя заключить о форме облаченной в эту одежду мысли; так же как внешняя форма платья создается совершенно для других целей, чем распознание формы тела»[5]. Раньше, чем Витгенштейн, к метафоре одежды прибег Гуссерль: «Объекты, на исследование которых нацелена чистая логика, даны прежде всего в грамматическом одеянии»[6]. Это одеяние скрывает отношения значений – предмет чистой логики.

В русской литературе о лживости владеющих языком говорит Державин: «Кто сколько мудростью не знатен, но всякий человек есть ложь»[7]. Пушкин в «Пророке» называет язык грешным, празднословным и лукавым. Лермонтов в предисловии к «Герою нашего времени» характеризует легковерность и наивность русской публики (в целом немногое изменилось): «Наша публика похожа на провинциала, который, подслушав разговор двух дипломатов, принадлежащих к враждебным дворам, остался бы уверен, что каждый из них обманывает свое правительство в пользу взаимной, нежнейшей дружбы». «Жалобы турка» поэт заключает так: «Пусть истину скрывает ложь / Что делать? – Все мы человеки!..» Наиболее известна в этом отношении строка Тютчева: «Мысль изреченная есть ложь». Чехов в рассказе «Несчастье» как бы подытоживает: «Если бы все люди сговорились и стали вдруг искренни, то всё бы у них пошло к чёрту прахом».

Различны контексты, различны цели этих размышлений, но все они скорее не о лживости языка, но о возможностях, предоставляемых языком, – сокрытия истины и превратного понимания. Если в логике и теории познания суждения разделяются на истинные и ложные, в плане социальном и коммуникативном суждения могут быть случайно истинными, случайно ложными, искренними и намеренно вводящими в заблуждение.

Язык не только условие коммуникации, но и в каждом конкретном случае установление ее границ. Границы коммуникации – это границы языка, на котором она ведется. Язык может препятствовать коммуникации. Разговаривая на одном и том же родном языке, собеседники могут прийти к выводу: «Мы говорим на разных языках». Язык тела также может быть обманчивым: улыбка, разного рода жесты, взгляд и т.д. могут ввести в заблуждение относительно мыслей, чувств и намерений тех, с кем мы вступаем в коммуникацию. Однако ошибается и обманывает не язык, но ошибаются и обманываются люди. Особая сфера, в которой обман играет конститутивную роль –

---

4 Там же. С. 284–285.

5 *Wittgenstein L.* Tractatus logico-philosophicus // *Wittgenstein L.* Werkausgabe. Bd. I. Frankfurt am Main, 1984. S. 26.

6 *Гуссерль Э.* Логические исследования. Т. II. Ч. 1. М., 2024. С. 18.

7 *Державин Г.Р.* Стихотворения. М., 1982. С. 38.

это игровые виды спорта, а также бокс, борьба, фехтование: обмануть соперника означает открыть путь к победе. Миллионы людей сопереживают обману у своих и чужих мониторов.

Время как запрет. Шлагбаумы социального лабиринта

Особую, коммуникативно-регламентирующую роль в социальной практике в целом играет язык времени. Такое словосочетание не должно вводить в заблуждение, как будто время есть некий субъект, или субстанция, обладающая языком. Время – это слово без денотата, это полезная фикция, или псевдоабстракция, так как не существует предметности или процесса, которые могли бы послужить основанием для абстрагирования «времени». Однако язык времени вездесущ, это универсальный язык «всех времен и народов», язык коммуникации и глобализации, техники и экономики, вертикали и горизонтали.

В своем эссе «Время» Норберт Элиас развивает «социологию времени» в историческом ключе, отмечая, что физики и метафизики подрывают основу трезвого обсуждения этой темы. «То, что мы называем «временем», – пишет Элиас, – это <…> система координат, которая служит людям определенной группы и в конечном итоге человечеству для того, чтобы установить в некоторой непрерывной последовательности изменений признанные определенной группой контрольные точки (Meilensteine), или для того, чтобы сравнить одну фазу в такой последовательности с фазами другой, а также для многого другого. Таково основание, почему понятие времени можно приложить к совершенно разным непрерывностям изменений»[8]. В целом, по Элиасу, время – это особая система ориентаций, это умение выделять последовательность событий в непрерывном процессе изменений, умение, требовавшее научения в ходе истории, но не априорно данное или врожденное.

Нельзя не признать это отчасти верным – отчасти потому, что временем называют, как правило, ту самую непрерывность событий и изменений, существование которой служит Элиасу в качестве предпосылки его рассуждений. Точнее было бы сказать, что временем *лучше было бы назвать* (что бы ни измеряли физики и ни измышляли метафизики) систему ориентаций и соизмерений тех процессов, которые нельзя соотнести непосредственно. Однако это верно только в том случае, если мы рассматриваем отношение человека и природы в самом общем плане. «Непрерывность изменений» вряд ли можно отнести к предпосылке упорядочивающей деятельности групп людей и «в конечном счете всего человечества». Кроме того, «название» и «понятие» – вещи разные, и последнее оказывается чужеродным «названием» в рассуждениях Элиаса. Прилагать понятие к тому, что не имеет денотата, – одна из языковых привычек, которые связаны со словом «время», причем некоторые из них отмечал сам Элиас. Более существенно, однако, другое. Систему ориентаций можно понимать не только и не столько как многообразие свободно выбираемых путей, но и как систему запретов, оставляющих ограниченное и каждый раз уменьшающееся количество возможных направлений. В этом плане изучению подлежит не «понятие времени», но язык времени, т.е. язык, на котором говорят, пишут, жестикулируют,

---

8 *Elias N.* Time: An Essay. Oxford; Cambridge, 1994. P. 73.

на котором показывают различные хронометры, способные в дополнение к визуальным средствам производить звуковые сигналы.

Язык времени – это язык регламента и оценки действий. Различие двух греческих слов «хронос» и «кайрос» указывает на это различие. Словом «время» обозначается измерение и ограничение движений и действий, что позволяет задать движению и действиям определенный ритм, а также контролировать их. Язык времени формируется из естественного языка, но как таковой язык времени не фиктивный; язык времени – это превращенная форма языка пространства.

Этимологически слово «время» связано с глаголом «вертеть» и др., с индийским wartma (ср. р.) – «колея, рытвина, дорога, желоб»[9]. Нетрудно увидеть родственное колее или желобу – не этимологически, но семантически – в «русле», «реке» времени. Изучение языка времени и его основных функций предполагает создание не алфавитного, но семантически-функционального словаря языка времени, краткий вариант которого я предлагаю[10].

Словарь языка времени можно подразделить на четыре большие группы. Первая группа состоит из словосочетаний, которые содержат слово «время»: свободное время, горячее время, седое время, нет времени, время пришло, время ушло, время!!!, настало время, занять время, убить время, провести время, уделить время, прийти вовремя, прийти одновременно, время – деньги, время не ждет, «время – вещь необычайно длинная» и т.д. Первая группа состоит в основном из метафор, широко используемых в поэзии и в обыденной речи для характеристик тех или иных периодов жизни и переживаний скоротечности или растянутости этих периодов. Вторая состоит из слов и словосочетаний, которые не содержат слово «время», но которые имеют непосредственное отношение к различным способам измерения различных периодов человеческой жизни или природных процессов, а также оценку их отдаленности от настоящего: настоящее, прошлое, будущее, мгновение, часы, минуты, длительность, последовательность, одновременность, событие, сейчас, теперь, только что, уже, еще не, вчера, позавчера, послезавтра, неделя, месяц, год, столетие, день, ночь, сутки, а также: тогда, когда, некогда, никогда. Третья группа состоит из словосочетаний, которые фиксируют основные способы регламентации: регламент (последовательность шагов при выполнении определенных работ и сроки их выполнения), повестка, обед, повестка дня, календарь, расписание, пунктуальность, программа, перемена, перерыв, праздники, каникулы, срок, от двух до пяти, от кандидатской до докторской, deadline, от зарплаты до зарплаты, возраст, memento mori. (Я абстрагируюсь пока от терминов философских концепций.) «Время-не-ждет», в частности, это перевод названия романа Джека Лондона на русский язык, однако само название на английском не содержит слова «время»: Burning daylight означает буквально «сжигающий свет дня». Это не прожигающий жизнь (эти слова тоже можно отнести к словарю времени), но тот, кто слит с жизнью воедино. Четвертую группу, группу конкретных регламентаций, образуют сочетания слов, выделенных из трех

---

9 *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1986. С. 361.

10 Первая попытка идеографического словаря времени принадлежит В.В. Морковкину, см.: *Морковкин В.В.* Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке). М., 1977. Этот словарь затрагивает только слово «время», и рубрикация проводится в соответствии значениям, которые принимает «время» в различного рода текстах.

первых групп, а также других слов естественного языка. Как правило, здесь фигурируют числительные: регламент 5 мин., программа на 20 лет, три часа пути, срок 5 лет, подъем в 7 часов, отбой в 22 часа, часы работы с 9 до 18, перерыв с 13 до 14, час пик, час пробил, час бьет и др. Третья и четвертая группы относятся непосредственно к социальному времени.

Возможна и необходима другая, дополняющая классификация словаря языка времени, которая основана уже на контекстуальном употреблении слов и словосочетаний всех трех групп. Слова и словосочетания из языка времени в том или ином контексте могут иметь позитивное или негативное оценочное значение. Сам по себе словарь языка времени, как и любой другой словарь любого естественного языка, нейтрален по отношению к «добру» и «злу», нейтральны в этом отношении даже слова «добро» и «зло», но любой специальный словарь имеет контекстуальные диспозиции; у словаря языка времени контекстуальные диспозиции – это диспозиции к регламентации. В свою очередь, регламентация, нейтральная как таковая, в социальном контексте обретает позитивное или негативное значение.

Теперь вернемся к выражению «бьет час», которое послужит нам для перехода к одному из возможных образов, или к одной из метафор, выражающих основную функцию социального времени – регламентирующую. С помощью этого выражения Маркс в первом томе «Капитала» установил запрет на дальнейшее существование капиталистической частной собственности[11].

Для нас важна лишь языковая форма запрета, причем на немецком языке: Die Stunde schlägt. Schlagen по-немецки означает «бить», в частности часы пробили, скажем, полночь. Этот «удар» (Schlag) составляет часть всем известного слова, которое обозначает всем известный предмет – шлагбаум, одна из важнейших функций которого – ограничивать движение и, в частности, охранять ту самую частную собственность, час которой якобы пробил.

Социум – это гигантский распределитель любого вида действий, желаний, потребностей, устремлений, прав и обязанностей. Не в последнюю очередь это осуществляется посредством языка времени, который представляет собой многообразие шлагбаумов или других спецсредств, которыми оборудованы все разветвления социального лабиринта. Запреты на вход в то или иное ответвление этого лабиринта ограничивают наши интенции и выбор пути и тем самым направляют индивидов по определенным линиям производства, потребления, потребностей, желаний и т.д. В этом лабиринте, где запреты вынуждают нас идти по еще не запрещенному пути – вместо нити Ариадны у нас последовательность ограничений. Шлагбаум не подталкивает к определенному пути, но заставляет искать иной путь, оставляя весьма ограниченный выбор, если выбор остается вообще. Конечно, вместо шлагбаума можно повесить табличку «вход воспрещен», а для автомобилистов – знак под названием «кирпич», однако это только для законопослушных, но не для тех, кому море по колено. Для последних предусмотрена иная регламентация, которая также выражается с помощью числительных.

---

[11] См.: *Маркс К.* Капитал. Т. 1 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 23. М., 1960. С. 773. Запрет на дальнейшее существование буржуазной политической экономии выражен у Маркса иначе: погребальный звон (Totenglocke), что в русском переводе обернулось «смертельным часом» (Там же. С. 17). Totenglocke также следует отнести к языку времени – времени выхода (еще не окончательного!) из социального лабиринта.

Это сравнение помогает понять, что язык времени состоит не только из словаря в буквальном смысле, т.е. не только из слов и словосочетаний, разделенных на несколько групп. Хронометры разного типа говорят на языке времени; они не измеряют время, но подают знаки, указывающие на возможность и необходимость определенных действий или разрешающие «временное» «бездействие». Система таких визуальных знаков, слов и звуковых сигналов составляет своего рода трансцендентальный социальный институт, или скорее квазиинститут, в качестве общей формы контролирующей все другие социальные институты – как своего рода трансцендентальный будильник.

В одном из текстов конца 1960-х гг., который был опубликован только в 1987 г., Мишель Фуко писал: «Великой навязчивой идеей, неотступно преследовавшей XIX в., как известно, была история: темы развития и остановки, темы кризиса и цикла, темы накопления прошлого <…> Сегодняшнюю же эпоху можно, скорее, назвать эпохой пространства <…> Мы живем в пору, когда мир, по-моему, ощущается не столько как великая жизнь, что развивается, проходя сквозь время, сколько как сеть, связывающая между собой точки и перекрещивающая нити своего клубка»[12]. Эти слова Фуко можно считать не только описанием ощущений, но и успешным прогнозом. При этом Фуко был прав только в той мере, в какой подразумевалась связь языка истории и языка времени (например, у Дильтея, Хайдеггера), а также подразумевались, вероятно, теории внутренней историчности, ключевыми терминами которых являются «жизненный порыв», «поток сознания», «экстасис», «сеть интенциональностей» и др. и которые имеют лишь косвенное отношение к исследованию социальных практик. Однако исследование языка и языков времени, а не времени как такового, как языков запрета и организации становится все более актуальным.

Образцовым примером сокрытия пространственного языка за языком времени является «последовательность» и «одновременность». Классический пример этого сокрытия – схематизм категорий в «Критике чистого разума». Менее известный, но не менее значимый пример – это брентановская теория восприятия времени и гуссерлевская критика этой теории: «…Брентано совершенно не принял в расчет бросающиеся в глаза различия между восприятием времени и фантазией времени, различия, которых он не мог не увидеть. Пусть он даже отказывается говорить о восприятии временного (за исключением Теперь-точки как границы между прошлым и будущим): но все же нельзя отрицать различия, которое дает нам возможность говорить о восприятии последовательности и о воспоминании некогда воспринятой последовательности (или так же фантазии последовательности), и это различие нужно как-то объяснить»[13]. Однако кто-нибудь и когда-нибудь воспринимал время? Мы воспринимаем последовательность как пространственную данность, но, как правило, говорим о ней на языке времени.

Примечателен в этом отношении фрагмент в «Критике чистого разума»[14], где последовательность как результат действия синтеза многообразного в пространстве служит основой образного представления о времени.

---

12 *Фуко М.* Интеллектуалы и власть. Ч. 3. М., 2006. С. 191.

13 *Гуссерль Э.* Собрание сочинений. Т. I: Феноменология внутреннего сознания времени. М., 1994. С. 19.

14 См.: *Кант И.* Сочинения на немецком и русском языках. Т. II. Ч. 1: Критика чистого разума. М., 2006. С. 228–231 (B 154–155).

При этом Кант предлагает сразу же абстрагироваться от пространства и сосредоточиться на действии, которое определяет внутреннее чувство в его форме. Таким образом, едва обретя свое место в пространстве, последовательность сразу же изымается из него. Так или иначе, по Канту, образ времени – прямая линия (подразумевается – идущая из прошлого в будущее), т.е. пространственный образ, что вполне согласуется с обычными воззрениями обыденного сознания. Язык времени и здесь выполняет свою регламентирующую функцию: воссоздание фикции, ограничивающей реальный опыт различных пространств с их иерархиями различений и значимостей.

Вопреки распространенному «темпоральному» представлению, последовательность явно характеризует пространственное отношение «один за другим» (по следу), а одновременность – совпадение в пространстве, измеренное пространственными средствами. Пример последовательности можно привести не «трансцендентальный» или «имманентный», а всем или почти всем знакомый и не выходящий за рамки простого обыденного опыта: «очередь» – слово из языка времени – «сколько времени стоять в этой очереди?». Однако очередь – телесно-пространственный процесс – процесс, или движение, которое можно измерить другим движением, например движением стрелок на часах, которые «синхронизированы» (опять язык времени!) с другими часами, с другими стрелками и эталонами, например с атомными часами, и в конечном итоге с движением Земли вокруг Солнца и вокруг своей оси. Покупатель получает товар, платит и освобождает место следующему, а последний в очереди смотрит на часы и вряд ли вспоминает при этом о вращении нашей планеты.

Язык времени, за исключением тех случаев, когда слово «время» становится термином физики и других естественных наук, сохраняет в качестве диспозиций свойство примитивных языков, в которых объективные характеристики смешаны с субъективно-оценочными и целевыми. Язык времени служит для выражения проективно-регламентирующих оценочных суждений, вербальных и невербальных. При этом проективный язык времени не только регламентирует, но также и мотивирует действие как движение к цели – цели, которая уже задана в рамках определенных социальных взаимодействий в определенной социальной структуре.

Субъективное время, терминология и метод (ретенция и эпохе)

В феноменологии Гуссерля первая процедура на пути к феноменологии времени, т.е. к времени как феномену, оказывается процедурой отрицающей – «исключением объективного времени», которая претерпевает впоследствии обобщение и становится процедурой исключения объективного мира, или преодолением естественной установки. Можно ли, однако, считать естественной ту установку, в основе которой ритм жизни, расчисленный и регламентированный хронометрами? Что естественного осталось в жизни людей, подчиняющихся ритму современного общества и обращающихся по разным поводам к искусственному интеллекту? Можно возразить, конечно, что Гуссерль понимал под естественной установкой не сам ритм обыденной жизни, но безотчетную веру в существование мира. Однако такая безотчетная вера формируется как раз безотчетным временным

регламентом, а непрерывность времени – это метафора, характеризующая переходы от одних действий к другим в различных значимых пространствах. На самом деле речь здесь идет о непрерывности телесно-визуального пространства при совершении определенных действий в разных пространствах – в том или ином помещении, на улице или в транспорте. В основе представления о непрерывности пространства лежит самотождественность нашей телесности, которая благополучно (при нормальных условиях) переходит из пространства в пространство без видимых изменений. Эта «физическая» непрерывность на деле прерывных пространств разных движений и действий, а также разных значений и значимостей мотивирует образ непрерывности времени. Отстранившись от «объективного времени», а точнее было бы сказать – от социального времени, Гуссерль создает учение о субъективном, или имманентном времени. Основной словарь этого учения состоит из таких терминов, как первичная импрессия, теперь, ретенция, протенция, длительность, последовательность, абсолютный поток сознания, а также таких слов из тезауруса «объективного времени», как настоящее, прошлое, будущее и т.д.

При попытке описать сознание длящегося настоящего, или просто сознание длительности, Гуссерль постулирует наличие начальной точки восприятия (первичное впечатление) и его удержание, которое получает в 1905 г. латинское имя ретенции. При этом образуется так называемый ретенциальный шлейф, или поезд, где каждая последующая ретенция удерживает не только предыдущую, но весь ряд прошлых ретенций, растягивает первичное впечатление. Благодаря этому настоящее предстает перед нами не как миг между прошлым и будущим, но как нечто устойчивое и протяженное, как длительность. Это в свою очередь открывает возможность рефлексии, или внутреннего сознания, т.е. сознания, направленного не на внешние предметы, но на фазы собственных переживаний.

Если в «Логических исследованиях» был провозглашен зигзагообразный метод от-опыта-к-рефлексии-и-от-рефлексии-к-опыту и т.д., то в феноменологии времени метод зигзага исчезает, и речь идет всецело об имманентной рефлексии. В самом деле, исключение объективного времени налагает запрет на внешний опыт в качестве источника рефлексии и тем самым является исходным пунктом формирования основного принципа феноменологического метода. Немалую роль сыграл в этом язык субъективного времени.

В 1907 г. в лекциях «Идея феноменологии» впервые появляется термин «теоретико-познавательная редукция», которую Гуссерль затем переименовывает в «феноменологическую редукцию», а также слово «эпохе», которое употребляется один раз и которое позднее, в «Идеях I», наряду с феноменологической редукцией, становится одним из двух основных терминов, обозначающих процедуру феноменологического метода. Эпохе как слово античного скептицизма (о терминах здесь можно говорить лишь условно) означает удержание или воздержание от суждений. Если теперь мы переведем латинское слово «ретенция» на греческий, то получим как раз «эпохе». Весьма вероятно, что термин «эпохе» возник первоначально в результате перевода с языка на язык, а не в результате отбора терминов из античной философии: ноэма у Платона, эпохе у Пиррона[15]. В «Идее феноменологии» (1907)

[15] Об античных истоках этого термина см.: *Мельников С.А.* Античные истоки термина «ἐποχή» // Ежегодник по феноменологической философии. М., 2010. С. 332–348.

Гуссерль вводит феноменологическую редукцию («эпохе» здесь только сопутствующее слово) на языке времени: «Мы движемся в поле чистых феноменов. Но почему я говорю *поле*; это скорее гераклитов поток феноменов»[16]. Тем самым гераклитов поток субъективного времени запрещает выход к трансцендентному (вряд ли Гераклит предполагал, что его поток будет служить в качестве запрета).

В «Идеях I» «эпохе» маскирует свое темпоральное происхождение, язык усмотрения сущностей вытесняет язык времени, а духовное «Я» (в первом издании «Логических исследований» *(ЛИ)* – «духовное», во втором – «эмпирическое») трансформируется в принципиально вневременную структуру, не подлежащую эпохе – «чистое Я». Аналогично гегелевскому духу, достигшему самосознания и выкорчевывающему (tilgen) время, гуссерлевское сознание обретает вневременную центральную точку в качестве гаранта достоверности суждений трансцендентальной сферы – сферы воздержания (эпохе) от суждений о мире. Показательна также несовместимость языка первого издания *ЛИ* и некоторых фрагментов, вставленных (я сказал бы, внедренных) во второе издание – фрагментов, написанных на языке «Идей I»[17]. Здесь нет отказа от концепции, как в случае осужденного в *ЛИ* психологизма «Философии арифметики», здесь намечается борьба языков – языка анализа и языка системы.

В «Картезианских медитациях» (*КМ*), где Гуссерль вновь попытался представить феноменологию как систему, язык времени опять оказывается на периферии, когда дело доходит до основной проблемы – проблемы интерсубъективности и alter ego. В *КМ* заметно не только изменение терминологии по сравнению с «Идеями I» – место греческой занимает латинская, но и многократное употребление слова «стиль» как синонима способа философского рассуждения: «Наши медитации <…> сделали очевидным тот стиль, который необходим для философии как философии трансцендентально-феноменологической <…> а именно стиль трансцендентально-феноменологического идеализма»[18]. Гуссерль говорит о стиле апперцепции, стиле чувственных процессов, сущностном стиле, синтетическом стиле, априорном стиле (Formstil). Стилистические особенности ряда философских учений, например Гегеля и Хайдеггера, известны, однако язык в своей стилистической и эстетической ипостаси также не решает проблемы истинности и может способствовать самообману и иллюзорному конституированию. «…многие философские идеи, в действительности, своим возникновением ничему так не обязаны, как рифме, потребности в построении созвучия! У того же Канта очень многое определяется эстетической симметрией и ритмом», – отмечал Унамуно[19]. За «рифмами» далеко ходить не нужно: аппрегензия-репродукция-рекогниция, тезис-антитезис-синтез, бытие-в-себе-и-для-себя, ретенция-теперь-протенция, само-в-себе-и-из-себя-показывающее.

---

16 *Husserl E.* Die Idee der Phanomenologie. Haag, 1973. S. 47.

17 См. например: *Гуссерль Э.* Логические исследования. Т. II. Ч. 1. С. 479, где появляется термин «имманентная идеация», который явно не принадлежит к терминологическому тезаурусу *ЛИ* в первом издании.

18 *Гуссерль Э.* Картезианские медитации. М., 2010. С. 113.

19 *Унамуно М. де*. О трагическом чувстве жизни у людей и народов. С. 285.

Поток сознания как регламент

Термин Гуссерля *Zeitbewusstsein* несет в себе два значения, или смысла: сознание времени, с одной стороны, и временность, или темпоральность, сознания, с другой. В рамках парадигмы «текучести сознания» гуссерлевские «ретенциально-протенциальные» конструкции могут быть применены к описанию сознания наблюдателя за длительностью какого-либо материального процесса в рамках научного исследования или каких-либо практических действий. Однако из возможности воспринимать и создавать образ длительности не следует, что само сознание длится, т.е. обладает внутренней длительностью, в отношении которой абсолютный поток сознания принимает роль абсолютного основания.

Гуссерль исходит из верного тезиса своего гениального учителя Брентано, а именно, что ощущение последовательности не равно последовательности ощущений. Иначе говоря, последовательность ощущений еще не дает нам ощущение последовательности. Если перевести это на другой язык, то ощущение последовательности – это психический феномен, а последовательность ощущений – физический. Однако для Брентано мысль о длительности или последовательности психических феноменов в качестве их внутренних свойств была чуждой[20].

Чему же препятствует ретенциальное структурирование «длительности сознания» (от последовательности мы здесь для простоты и краткости отвлекаемся)? Казалось бы, наоборот, динамическое переплетение переживаний, в основе которого квазивременной «поток сознания», уничтожает все логические и психологические преграды. Сознание уже не предстает как логическая структура или совокупность психологических состояний, каждое из которых могло бы служить преградой для иных состояний, переживаний, актов сознания. Временность сознания как бы открывает все шлюзы и шлагбаумы. Однако остается все же одно неявное ограничение многообразного опыта со стороны ретенциального шлейфа.

Ретенция удерживает первичное впечатление и тем самым не дает первичному впечатлению возможности иного существования, нежели в русле определенного потока. Ретенция автоматически, т.е. бессознательно, можно даже сказать, безжалостно, растягивает импрессию, вытесняя фантазию из сферы конститутивных элементов субъективного времени. Иначе говоря, шлейф ретенций составляет один уникальный конститутивный слой сознания[21], препятствуя формированию иных возможностей конфигурировать первичные впечатления, если, конечно, они вообще могут существовать как отдельные. Субъективное, или имманентное, время говорит нам на своем языке, что сознание – это жизнь, что это постоянный процесс, движение, что сознание не сводится к какой-либо устойчивой структуре, кроме временной. Однако если это и жизнь, то она предстает как нечто одномерное –

---

[20] Подробней см.: *Молчанов В.И.* Феномен пространства и происхождение времени. М., 2015. С. 81–86.

[21] В лекциях по феноменологии времени Гуссерль различает терминологически конститутивный слой сознания с его ретенциями и протенциями и абсолютный поток сознания. Последний представляет собой, по Гуссерлю, уже нечто квазивременное. Он вводится как абсолютная основа конститутивного слоя. Этим различием можно пренебречь, так как абсолютный поток сознания есть нечто метафизическое и не поддается какому бы то ни было сопоставлению с опытом.

так же как и повседневная жизнь с ее абсурдно (А. Камю) воспроизводящейся динамикой. Теперь, когда восторги от открытия философского и литературного «потока сознания» поутихли, и повседневная реальность не только в работах А. Щюца, воспринявшего «темпоральные» идеи Гуссерля, но и на самом деле становится «высшей реальностью», соответствие между гуссерлевской протенциально-ретенциальной структурой и «процессуальной» повседневностью становится явным. Линеарный и уникальный поток сознания ограничивает изначальное многообразие опыта и тем самым ограничивает многообразные возможности коммуникации.

Принимая гуссерлевский язык времени, Щюц тем не менее не относит этот язык к переходу в сферу имманентного. Иначе говоря, язык времени сочетается у Щюца с отрицанием необходимости феноменологической редукции. Поток сознания обмирщается, чтобы преодолеть замкнутость имманентного потока: «Особое затруднение вытекает из общего понятия трансцендентальной редукции. Эта редукция не оставляет ничего, кроме единого потока моего сознания. Этот поток, так сказать, заперт; он открыт лишь моему внутреннему опыту и моему рефлексивному взору – монада без окон»[22]. Однако и без редукции «поток сознания» вряд ли может быть адекватной характеристикой сознания в качестве нормы. Даже в качестве метафоры, а это, несомненно, метафора, исток которой – течение «реки, в которую нельзя войти дважды», реки как движения в определенном русле, «поток сознания» вряд ли *подходит* (если он вообще может *подойти* к чему-либо) в качестве исходного пункта исследований многообразных различений, ассоциаций и иерархических отношений значимости, которые, как части целого, составляют коммуникативную жизнь сознания в мире людей.

Заключение

Язык времени как язык проектов и обещаний, как необходимый пласт языка идеологии апеллирует к ожиданию осуществления такого целого, которое должно затем определять взаимодействие своих частей. Ожидания и воспоминания – последнее прибежище тех, кто верит в существование времени как некой «сущности» – космической, имманентной, «внутримирской» или экстатической. Однако, если придерживаться традиционной (и феноменологической) терминологии, ожидания и воспоминания интенционально отнесены к значимым пространствам, а эмоциональное напряжение (если таковое имеет место) – к их отделенности от актуального пространства ожидающих и вспоминающих («то, что никогда не случалось»). Из прошлого к актуальному пространству возвращает нас забвение, а из будущего – пространство настоящего.

На языке времени как в обыденно-социальной жизни, так и в изощренной философской рефлексии *формируется* система запретов (форма – это уже запрет иного), направляющих индивидов и сколь угодно большие группы людей по определенному руслу действий, а ментальную жизнь и рефлексию – по линии непрерывного «времени» – линии идео-логически сформированной последовательности событий. Язык времени маскирует свою

---

[22] *Шюц А.* Феноменология и социальные науки // *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 217.

контролирующую и запрещающую функцию, скрывает за собой язык пространства – язык иерархий (выше/ниже, ближе/дальше), направлений и различений. На языке времени формируется ложная дилемма между субъективным и объективным временем, которая соответствует дилемме между спонтанностью сознания и сознанием как результатом иных, чем сознание, сил. «Инструментальное время», время хронометров и расчетов – организатор и контролер действий, которые, однако, не могут быть осуществлены вне определенных пространств; в свою очередь, границы пространств и расстояния контролируют «время», т.е. очередность и ритм действий, устраняя иллюзию непрерывности мира и выдвигая на передний план дискретность как необходимый элемент реальности.

Время – это не только фикция, но и иллюзия свободы как спонтанности и самодеятельности, иллюзия par excellence, выполняющая проективную функцию организации через запреты и ограничения и находящая свое выражение в многообразных образах и метафорах. Утверждение «всё во времени» – репрезентант синтетического языка времени, объединяющего проекты и запреты, иллюзии и реальность. Напротив, пространство – это не фикция, но абстракция от конкретных ограничений движений и действий, ограничений, которые носят имена соответствующих значимых пространств и определенных видов опыта. В различных пространствах возникают различные иллюзии, но пространства как границы и различия дают возможность различить на опыте иллюзии и реальность.

Список литературы

Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. I: Феноменология внутреннего сознания времени / Пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: Гнозис, 1994.

Гуссерль Э. Картезианские медитации / Пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: Академический проект, 2010.

Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. 1 / Пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: Академический проект, 2024.

Державин Г.Р. Стихотворения. М.: Советская Россия, 1982.

Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. II. Ч. 1: Критика чистого разума / Под. ред. Н.В. Мотрошиловой и Б. Тушлинга. М.: Наука, 2006.

Маркс К. Капитал. Т. 1 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 23 / Пер. с нем. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1960.

Мельников С.А. Античные истоки термина «ἐποχή» // Ежегодник по феноменологической философии. М.: РГГУ, 2010. С. 332–348.

Молчанов В.И. Феномен пространства и происхождение времени. М.: Академический проект, 2015.

Морковкин В.В. Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986.

Фуко М. Чужие пространства // *Фуко М.* Интеллектуалы и власть. Ч. 3. М.: Праксис, 2006. С. 191–204.

Унамуно М. де. О трагическом чувстве жизни у людей и народов / Пер. с исп. Е.В. Гараджа // *Унамуно М. де.* О трагическом чувстве жизни. М.: Символ, 1996. С. 23–301.

Шюц А. Феноменология и социальные науки / Пер. с англ. Н.М. Смирновой, В.Г. Николаева // *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 149–232.

Elias N. Time: An Essay. Oxford; Cambridge: Blackwell, 1994.

Husserl E. Die Idee der Phänomenologie. Haag: Martinus Nijhoff, 1973. (Husserliana, Bd. II)
Welby V. Meaning and Metaphor // The Monist. 1893. Vol. 3 (4). P. 510–525.
Wittgenstein L. Tractatus logico-philosophicus // *Wittgenstein L.* Werkausgabe. Bd. I. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984. S. 7–85.

The language of time: prohibitions, projects, illusions

Victor I. Molchanov

Russian State University for the Humanities. 6 Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russian Federation; e-mail: victor.molchanov@gmail.com

Language is a neutral reservoir-origin of both true and false, as well as deliberately false (deceptive) statements, questions, and descriptions about reality and illusions. The author shares Victoria Welby's belief that language lacks self-improvement: language as such does not allow us to distinguish truth from falsehood. Statements about language as a source of deception and lies suggest, rather, that language is losing its neutrality due to the social-bodily-emotional elements of communication. The language of time is considered, in its primary social function, to guide prohibitions and permissions along established lines of social labyrinth of interactions. The author proposes a semantic-functional dictionary of the language of time, consisting of four groups of words and phrases, of which only the first group includes exclusively phrases with the word "time". The article examines the language of time in philosophical concepts using Husserl's phenomenology as an example, where it becomes one of the main languages after the *Logical Investigations*. The language of time retains its restrictive functions both within and beyond the doctrine; the "Heraclitean stream" prohibits access to the transcendent and motivates the "exclusion of objective time", which is the starting point of the method of "phenomenological reduction", or epoché. Moreover, "epoché" and "retention" (the main term of the concept of subjective time) are words of the Greek and Latin languages, identical in meaning. The concept of the stream of consciousness as a unidirectional train of retentions imposes a significant limitation on the diversity of types of communicative consciousness. The language of time conceals the language of space as the language of movements, boundaries, and differences.

Keywords: language, time, vocabulary, space, prohibition, illusion, deception, stream of consciousness, rules, fiction, abstraction, communication, Welby, Unamuno

For citation: Molchanov, V.I. "Yazyk vremeni: zaprety, proekty, illyuzii" [The language of time: prohibitions, projects, illusions], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal,* 2026, Vol. 19, No. 3, pp. 55–70. (In Russian)

References

Derzhavin, G.R. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 1982. (In Russian)
Elias, N. *Time: An Essay*. Oxford; Cambridge: Blackwell, 1994.
Foucault, M. "Drugie prostranstva" [Other Spaces], in: M. Foucault, *Intellektualy i vlast'* [Intellectuals and Power], Pt. 3. Moscow: Praxis Publ., 2006, pp. 191–204. (In Russian)
Husserl, E. *Die Idee der Phänomenologie*. Haag: Martinus Nijhoff, 1973. (Husserliana, Bd. II)
Husserl, E. *Sobranie sochinenii, T. I: Fenomenologiya vnutrennego soznaniya vremeni* [Collected Works, Vol. I: Phenomenology of Internal Time-Consciousness], transl. by V.I. Molchanov. Moscow: Gnozis Publ., 1994. (In Russian)
Husserl, E. *Kartezianskie meditatsii* [Cartesian Meditations], transl. by V.I. Molchanov. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2010. (In Russian)

Husserl, E. *Logicheskie issledovaniya* [Logical Investigations], Vol. II, Pt. 1, transl. by V.I. Molchanov. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2024. (In Russian)

Kant, I. *Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh, T. II, Ch. 1: Kritika chistogo razuma* [Works in German and Russian, Vol. II, Part 1: Critique of Pure Reason], ed. by N.V. Motroshilova and B. Tushling. Moscow: Nauka Publ., 2006. (In Russian)

Marx, K. "Kapital, T. 1", in: K. Marx & F. Engels, *Sochineniya* [Works], Vol. 23. Moscow: Politicheskaya literatura Publ., 1960. (In Russian)

Melnikov, S.A. "Antichnye istoki termina 'ἐποχή'" [Ancient origins of the term 'ἐποχή'], *Ezhegodnik po fenomenologicheskoi filosofii / Yearbook for phenomenological Philosophy*. Moscow: RGGU Publ., 2010, pp. 332–348. (In Russian)

Molchanov, V.I. *Fenomen prostranstva i proiskhozhdenie vremeni* [Phenomenon of space and the origin of time]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2015. (In Russian)

Morkovkin, V.V. *Opyt ideograficheskogo opisaniya leksiki (analiz slov so znacheniem vremeni v russkom yazyke*) [Essay of Ideographic Description of Vocabulary (analysis of words meaning time in the Russian language)]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ., 1977. (In Russian)

Schütz, A. "Fenomenologiya i sotsial'nye nauki" [Phenomenology and Social Sciences], transl. by N.M. Smirnova and V.G. Nikolaev, in: A. Schütz, *Izbrannoe: Mir, svetyashchiisya smyslom* [Selected: World luminous with Meaning]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004, pp. 149–232. (In Russian)

Unamuno, M. de. "O tragicheskom chuvstve zhizni u lyudei i narodov" [On the tragic sense of life among people and nations], transl. by E.V. Garadzha, in: M. de Unamuno, *O tragicheskom chuvstve zhizni* [On the tragic sense of life]. Moscow: Simvol Publ., 1996, pp. 23–301. (In Russian)

Vasmer, M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Russisches Etymologisches Wörterbuch], Vol. I, transl. by O.N. Trubachev. Moscow: Progress Publ., 1986. (In Russian)

Welby, V. "Meaning and Metaphor", *The Monist*, 1893, Vol. 3 (4), pp. 510–525.

Wittgenstein, L. "Tractatus logico-philosophicus", in: L. Wittgenstein, *Werkausgabe*, Bd. I. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984, S. 7–85.